…оводу вопроса

о признакахъ

…пряженія русскихъ глаголовъ.

(Письмо П. С. Билярскаго къ Я. К. Гроту и Отвѣтъ Я. К. Грота)

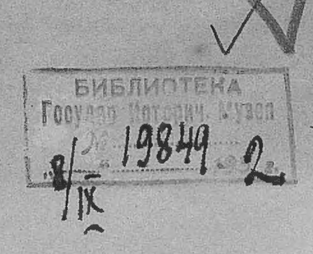

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
1861.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Санктпетербургъ, 15-го марта 1861 г.

Непремѣнный Секретарь Академикъ *К. Веселовскій.*

Изъ 4-го выпуска Извѣстій II-го Отдѣленія Академіи Наукъ.

ПО ПОВОДУ ВОПРОСА

О

ПРИЗНАКАХЪ СПРЯЖЕНІЯ РУССКИХЪ ГЛАГОЛОВЪ.

I.

(Письмо П. С. Билярскаго къ Я. К. Гроту).

Въ послѣднемъ засѣданіи Отдѣленія, на вашъ вызовъ мнѣній касательно вашихъ изслѣдованій о спряженіи Русскихъ глаголовъ, я имѣлъ честь объявить, что ничего не имѣю возразить противъ главнаго результата вашихъ наблюденій надъ фактами, столь тщательно вами пересмотрѣнными и мѣтко выставленными. При единодушномъ признаніи вашего взгляда прочими присутствовавшими членами Отдѣленія, я не нашелъ ни случая, ни надобности обстоятельно объяснить частный оттѣнокъ моего мнѣнія, предоставляя себѣ объясниться объ этомъ частнымъ образомъ. Для большей точности объясненія предпочитаю изложить мои мысли письменно.

Вы совершенно справедливо утверждаете, что неопредѣленное наклоненіе не представляетъ въ себѣ такой основной формы, посредствомъ которой можно бъ было вѣрно и во всѣхъ случаяхъ узнавать формы 1-го и другихъ лицъ настоящаго времени, и основательно предлагаете въ помощь неопредѣленному наклоненію 3-е лицо множеств. числа. Немногія ограниченія услугъ этой основ-

ной формы я укажу ниже, а теперь прямо перейду къ значенію рѣшаемой вами задачи. Мнѣ хотѣлось бы получить опредѣленный отвѣтъ, для чего нужно отыскивать такую основную форму: для удобства ли только изученія, или вмѣстѣ съ тѣмъ и по требованію науки, для объясненія образованія формъ глагола и для оцѣнки этого образованія? Отзывы объ этомъ въ вашей статьѣ какъ то обоюдны. Въ примѣчаніи на стр. 5 вы говорите, что подъ основными формами вы разумѣете такія измѣненія, которыя представляли бы вѣрное указаніе, какъ образовать и всѣ остальныя измѣненія окончаній,—«внѣшнія примѣты», которыя были бы ясны всякому, даже и начинающему изучать языкъ. И направленіе всего изслѣдованія подтверждаетъ это замѣчаніе: оно постоянно имѣетъ цѣлію дать средство узнавать посредствомъ одной формы другую. Между тѣмъ въ текстѣ говорится иное, именно (стр. 5): «здѣсь дѣло идетъ *объ опредѣленіи законовъ языка по требованію науки* и познаніе ихъ важно не потому только, что оно облегчаетъ его изученіе». Ниже есть ссылка на нѣкоторые другіе языки; это даетъ понять, что существованіе основной формы между разными окончаніями спряженія есть вообще принадлежность способа образованія глаголовъ, который, кромѣ Русскаго, одинаково дѣйствуетъ въ Арабскомъ, Еврейскомъ и Финскомъ языкахъ.

Мнѣ кажется, что отыскиваніе такой основной формы въ спряженіи не есть изслѣдованіе законовъ языка и ведетъ не къ открытію ихъ, а напротивъ какъ бы къ утаенію. Въ самомъ дѣлѣ, вы хотите найти способъ узнавать одну форму посредствомъ другой для того, чтобы избавить ученика отъ долгаго и тяжелаго труда объяснять, какъ образовалась эта форма, почему такъ, а не иначе образовалась, почему такъ должна была образоваться, если образованіе правильно, по аналогіи большинства другихъ формъ, къ разряду которыхъ она принадлежитъ; въ противномъ же случаѣ, какою побоч-

ною или даже повидимому вовсе неумѣстною аналогіей и почему она увлечена была къ особому, неправильному образованію? О такихъ вопросахъ, очевидно, вовсе нейдетъ дѣло при отыскиваніи основной формы; напротивъ она отыскивается здѣсь именно для того, чтобы миновать эти запутанные вопросы, чтобы обойти ихъ кратчайшею. хотя бы проселочной дорогой: въ этомъ и полагается заслуга основной формы. Она не ведетъ даже къ постановкѣ фактовъ въ томъ видѣ, какой удобнѣе для научнаго изслѣдованія и въ которомъ можно бы видѣть послѣдовательность и непослѣдовательность образованія формъ: она указываетъ нужныя для практики формы порознь, не сближая ихъ съ однородными и разнородными и не требуя звуковаго анализа ихъ, а стараясь, напротивъ, избѣгать его. По формѣ *колютъ, колеблютъ, дремлютъ* я узнаю, что 1-е лицо будетъ — *лю*, 2 е — *лешь*, и не имѣю никакого повода спрашивать, нормальныя ли это явленія по общему правилу спряженія: основная форма — *ютъ* сдѣлала свое дѣло и не даетъ чувствовать нужды въ какихъ либо дальнѣйшихъ наблюденіяхъ или вопросахъ. Ученая постановка фактовъ требуетъ сближенія данныхъ формъ съ другими, однородными (*колю, борю, порю*) и противоположными (*пру, тру, вру; дремлю, иму, жму*); основная форма не вызываетъ на такія сближенія. Равнымъ образомъ при производствѣ другихъ лицъ отъ 3 го лица мн. ч. хотя и требуется вниманіе къ переходу буквъ (*видятъ — вижу* и пр.), но этотъ пріемъ предполагаетъ уже готовое ученіе о буквахъ и пользуется имъ по мѣрѣ неизбѣжной нужды и всегда для отдѣльныхъ случаевъ; съ своей же стороны не только не вызываетъ на полнѣйшее раскрытіе свойства звуковъ и законовъ ихъ сочиненія, сколько они являются въ образованіи формъ глагола, но напротивъ избѣгаетъ такихъ объясненій, гдѣ только можно. Если бы успѣли основать все грамматическое ученіе на такихъ основныхъ формахъ, то въ немъ мало было

бы побужденія къ анализу формъ и къ объясненію ихъ образованія: чѣмъ же сдѣлалась бы тогда наука о языкѣ?

Дѣло ясное: наука и практика языка на этотъ разъ не сходятся въ своихъ интересахъ, и мы не должны скрывать этой разницы. Преподаватели языка, безъ сомнѣнія, могутъ находить и другіе вспомогательные пріемы, имѣющіе только практическое значеніе: пойдетъ ли наука впередъ, если они будутъ принимать ихъ за настоящее ученое изслѣдованіе языка? — Но наука не должна же — скажутъ мнѣ — пренебрегать пріемами, изобрѣтаемыми въ пользу практики: скорѣе сама она обязана изобрѣтать средства облегчить и упростить изученіе языка. Дѣйствительно, въ наше время много прилагается подобныхъ заботъ; но какъ ни почтенны эти заботы съ своей точки зрѣнія, онѣ исходятъ обыкновенно не изъ круга науки и рѣдко обогащаютъ ее настоящими пріобрѣтеніями. Наука вообще, и въ частности наука о языкѣ должна какъ можно прямѣе и проще выставлять свой предметъ, какъ онъ есть, въ идеальномъ и конкретномъ содержаніи, не заботясь о томъ, будетъ ли онъ простъ для изученія людямъ несвѣдущимъ, и отнюдь не измѣряя своего достоинства легкостью изученія. Если бы науки принимали легкость и общепонятность за мѣру своего внутренняго успѣха, то, вѣроятно, не достигли бы самыхъ лучшихъ своихъ открытій. Пусть будетъ просто въ наукѣ то, что просто въ самомъ предметѣ, и пусть остается въ ней труднымъ для изученія, что само по себѣ сложно, хитро, запутанно: таково, мнѣ кажется, естественное отношеніе науки къ практическому изученію. Если же напротивъ наука въ пользу изученія языка будетъ выставлять простымъ то, въ чемъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ этой простоты, а гдѣ господствуетъ вмѣсто того сложность, запутанность, непослѣдовательность, неправильность, искаженность; то наука приняла бы лживое направленіе, показывая свой предметъ не въ естественномъ и въ истинномъ видѣ, а какъ бы

изъ-подъ маски. Преподаватели языка могутъ изобрѣтать какіе угодно пріемы для облегченія и упрощенія изученія; но эти пріемы не должно прямо принимать за пріобрѣтенія для науки потому, что они дѣйствительно облегчаютъ изученіе. Исканіе этой простоты, столь полезное для практики, можетъ стѣснять, сбивать, останавливать ученое изслѣдованіе; потому что, если въ языкахъ флексивныхъ вообще трудно ожидать простоты образованія послѣ тысячелѣтней исторіи ихъ развитія, то еще труднѣе это въ глаголѣ, какъ самой живой и подвижной части рѣчи. Потому естественно, что наука дорожитъ аномаліями, запутанностями, неправильностями образованія, тогда какъ практика желала бы подвести ихъ для ученика подъ одинъ уровень посредствомъ какой нибудь основной формы. Такъ расходятся съ этой стороны наука и практика въ своемъ направленіи.

Конечно впрочемъ, факты или лучше фактъ, о которомъ идетъ дѣло въ настоящемъ случаѣ, имѣетъ одинаковую цѣну, какъ для науки, такъ и для практики; но самый фактъ этотъ искони извѣстенъ наукѣ и вы не выдаете его за новость. Фактомъ я называю соотвѣтствіе между двумя родами окончаній, а это соотвѣтствіе выставляется въ каждой учебной грамматикѣ, въ таблицѣ и въ примѣрахъ спряженія. Новость составляютъ постановка факта и воззрѣніе. Смотря на отношеніе формы 3-го лица мн. ч. къ другимъ лицамъ, вы ставите ее впереди и называете основною формой. Каковы бы ни были услуги этой основной формы при изученіи спряженія, наука едва ли можетъ принять это названіе и выраженное въ ней воззрѣніе. Говоря строго, основною формой глагола можно назвать только тотъ видъ его, къ которому прикладываются окончанія спряженія, — то что иначе называется темой. Что же у васъ съ практической точки зрѣнія называется основной формой, то въ языкѣ составляетъ одну изъ аналогическихъ или соотвѣтствующихъ

формъ. Если же мы по 3-му лицу мн. ч. узнаемъ другія лица, то наборотъ и 3-е лицо, по неясности выговора его гласной, мы нерѣдко отъискиваемъ посредствомъ *и* или *е* въ другихъ лицахъ. Стало быть, и другія лица по меньшей мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ столько же имѣютъ права называться основною формой, сколько и 3-е лицо мн. ч. Но вы отдаете въ этомъ отношеніи 3-му лицу преимущество, и я не отрицаю этого безусловно: довольно ли впрочемъ рѣшительно это преимущество, я желалъ бы еще удостовѣриться.

При вопросѣ объ этомъ преимуществѣ могутъ идти въ въ разсчетъ, по моему мнѣнію, только 1-е лицо един. ч. и 3-е лицо мн. ч. О первомъ лицѣ вы замѣчаете, что оно не носитъ въ себѣ довольно характеристическаго признака спряженія и въ слѣдъ за тѣмъ приводите примѣры, изъ которыхъ видно, что по 1 лицу нельзя угадать формы неопредѣленнаго наклоненія: но развѣ 3-е лицо лучше 1-го въ этомъ отношеніи? Если подъ признакомъ спряженія и въ примѣрахъ разумѣть различіе окончаній на *ешь* и *ишь*, на что и указано въ началѣ статьи, то невыгода 1-го лица становится ощутительнѣе, потому что въ обоихъ спряженіяхъ есть оба окончанія: на *у* и на *ю*. Такъ какъ однако этотъ признакъ спряженія можно опредѣлять по 1-му лицу вмѣстѣ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, то невыгода этого способа опредѣленія остается только въ томъ, что онъ «сложенъ и сбивчивъ». Но дѣйствительно ли много проще этотъ пріемъ съ помощью 3-го л. мн. ч.? Если въ этомъ лицѣ многіе глаголы сохраняютъ коренную согласную, за то для производства отъ него 1-го лица въ одной части глаголовъ и всѣхъ прочихъ лицъ въ другой части требуется вниманіе къ законамъ сочетанія буквъ, и гораздо больше, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Отъ *видятъ*, *хотятъ* и под. конечно не трудно произвести *вижу*, *хочу*; но въ иныхъ случаяхъ понадобится знать и уклоненія отъ законовъ боль-

шинства, какъ напр. *претять — прещу, похитять — похищу, обратять — обращу* и пр., а не *чу*, какъ *хотять — хочу; прослезятся — прослезюсь*, а не *жусь*, какъ въ *приблизятся — приближусь*. Ясно, что здѣсь для объясненія дѣла входятъ не только этимологическіе законы, но и историческія условія съ разными способами примѣненія первыхъ къ историческимъ стихіямъ. Касательно удареній вы сами показали границу услугъ 3-го лица, опредѣливъ случаи, въ которыхъ 1-е лицо сохраняетъ удареніе неопредѣленнаго наклоненія; все же однако преимущество 3-го лица въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, несомнѣнно, потому что оно, опредѣляя удареніе въ однихъ случаяхъ, указываетъ въ случаѣ своей несостоятельности, другое средство, тогда какъ 1-е лицо ничего не говоритъ касательно ударенія въ прочихъ лицахъ. Но такъ какъ услуга 3-го лица въ этихъ границахъ удовлетворительно объяснена въ вашей статьѣ объ этомъ предметѣ, то 3-е лицо ради одной этой услуги, едва ли займетъ мѣсто въ словаряхъ возлѣ неопредѣленнаго наклоненія.

II.

Отвѣтъ Я. К. Грота.

Я вамъ искренно благодаренъ за вниманіе, которое вы обратили на давнишнюю мою статью о спряженіи глаголовъ *). Скажу вамъ заранѣе, что и самъ совершенно оди-

---

*) См. Извѣстія 2-го Отд. А. Н. II, вып. 5.

Главная мысль моей статьи заключалась въ томъ, что для правильнаго образованія или повѣрки всѣхъ формъ глагола нужно знать, сверхъ неопредѣл. наклоненія, 3-е лицо множес. числа наст. врем. Первое же лицо образуется съ помощію ихъ очень легко, именно на *окончаніе* его указываетъ 3-е лицо, а на *удареніе* — неопр. наклоненіе, напр. если даны формы: смотрѣ́ть, смо́трятъ, то изъ нихъ уже вытекаетъ смотрю́, т. е. окончаніе *ю* слѣдуетъ изъ окончанія *ять*, а удареніе на *ю́* — изъ ударенія неопр. наклоненія. Напротивъ 1-е лицо *смотрю* при неопр. накл. не носитъ въ себѣ такого указанія относительно остальныхъ лицъ наст. вр.— *Я. Г.*

наково съ вами смотрю на значеніе и степень важности этого труда. Я занимался имъ, когда былъ въ Финляндіи профессоромъ Русскаго языка и инспекторомъ училищъ по этому предмету, когда слѣдовательно мнѣ, по самой должности моей, естественно было заботиться объ облегченіи для тамошней молодежи изученія Русскаго языка. Вотъ настоящій источникъ моихъ статей объ основныхъ формахъ Русскаго глагола, напечатанныхъ въ Современникѣ 1845 г. и въ Извѣстіяхъ 2-го Отдѣленія 1853 года. Но добывъ результатъ, который вы сами признаете вѣрнымъ и, въ педагогическомъ отношеніи, не безполезнымъ, я рѣшился изложить мои наблюденія и для Русскихъ читателей.

Теперь буду отвѣчать отдѣльно на нѣкоторыя изъ вашихъ замѣчаній.

Вы находите противорѣчіе между общимъ практическимъ направленіемъ статьи моей и однимъ мѣстомъ ея, гдѣ сказано: «Здѣсь дѣло идетъ объ опредѣленіи законовъ языка по требованію науки». Я согласенъ, что это выраженіе не совсѣмъ точно, если науку принимать въ тѣсномъ смыслѣ слова; но я здѣсь имѣлъ въ виду самое обширное значеніе ея, по которому конечно и учебная грамматика не можетъ быть исключена изъ области науки. Мысль моя въ этомъ мѣстѣ такова: конечно, въ удареніи глагола и природный Русскій рѣдко ошибется; но изъ этого не слѣдуть, что бы не нужно было изучать это явленіе и законы его: того требуетъ наука.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ нѣкоторыхъ формахъ глагола корень его является чище нежели въ другихъ и что такія формы особенно годятся въ основныя. Таково у насъ 3-е лицо множественнаго числа; то же явленіе встрѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ, на которые я поэтому и сослался.

Напрасно вы полагаете, что отъискиваніе основной формы ведетъ не къ открытію законовъ языка, а напро-

тивъ къ утаенію ихъ, и далѣе, будто она безполезна потому, что указываетъ нужныя для практики формы порознь, не сближая ихъ съ однородными и разнородными и не требуя звуковаго анализа ихъ, а стараясь напротивъ избѣгать его. По моему мнѣнію, знаніе основной формы и правильное съ помощію ея составленіе другихъ формъ глагола можетъ служить только къ облегченію обзора и уразумѣнія разнообразнаго состава и образованія Русскихъ глаголовъ. Указывая надобность основныхъ формъ ихъ, я вовсе не имѣлъ намѣренія устранить изученіе разрядовъ нашихъ глаголовъ по ихъ образованію, но я не касался этого предмета потому, что имѣлъ свою опредѣленную цѣль. Эта цѣль состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы доказать, что принимаемыя въ наиболѣе распространенныхъ грамматикахъ нашихъ двѣ основныя формы: неопредѣленное наклоненіе и 1-е лицо единств. числа наст. времени не ведутъ къ желаемому результату; ибо 2-я изъ нихъ не заключаетъ въ себѣ постояннаго указанія относительно *окончанія* и особенно *ударенія* остальныхъ лицъ того же времени. Если бъ въ нашихъ грамматикахъ не было этого недостатка, если бъ онѣ вовсе не занимались производствомъ остальныхъ лицъ обоихъ чиселъ отъ 1-го лица единств., то можетъ быть, мнѣ бы и не пришло въ голову обратить вниманіе на потребность въ дѣйствительныхъ основныхъ формахъ глагола. Вы считаете достаточнымъ труднѣйшій путь изученія внутренняго состава Русскихъ глаголовъ; но что вы въ этомъ случаѣ слишкомъ много надѣетесь на силу анализа школы, доказывается безпрерывными ошибками спряженія въ нашемъ книжномъ мірѣ, гдѣ вы то и дѣло встрѣчаете: они строютъ, стоютъ, клеютъ, надѣятся, сыплятъ, колеблятъ, трепещатъ, морочутъ и т. п. Я совершенно согласенъ съ вами, что въ сущности и другія лица того же времени (кромѣ однакожь 1-го един. ч.) столько же имѣютъ права называться основною формой, сколько и 3-е множ.

ч.; но такъ какъ для простоты надо избрать одно лицо, то я рѣшительно отдаю премущество послѣднему, въ которомъ всего виднѣе то, что вы справедливо называете темой глагола; напр. у глаголовъ подобныхъ *беречь* коренная буква *г*, въ этомъ разрядѣ лицъ, сохраняется только въ 3-мъ лицѣ множ., въ остальныхъ же умягчается въ *ж* (бережешь и т. д.) Я думаю, что если бъ вообще на взаимную аналогію этихъ лицъ, при изученіи языка, было обращаемо болѣе вниманія, то наша орѳографія освободилась бы отъ многихъ нелѣпыхъ ошибокъ.

Что при образованіи глагольныхъ формъ предполагается знаніе закона умягченія буквъ въ спряженіи, вовсе не показываетъ пренебреженія къ этому закону; напротивъ это значитъ только, что съ нимъ должно ознакомиться уже предварительно. Въ моей статьѣ не упоминается о немъ подробно, потому что онъ здѣсь не относится прямо къ дѣлу, меня занимавшему. Вы указываете на встрѣчающееся иногда затрудненіе знать, какъ должны быть смягчены буквы *д* и *т*: должны ли онѣ обратиться въ *ж* и *ч* или въ *жд* и *щ*. Однакожъ, если ближе разсмотрѣть дѣло, то это совершенно частное затрудненіе разрѣшается довольно легко: смягченіе *жд* и *щ* является почти исключительно въ предложныхъ глаголахъ церковно-Славянскаго или по крайней мѣрѣ книжнаго происхожденія, наприм: преградить (прегражду); убѣдить, упредить, учредить; возмутить (возмущу), обогатить, посѣтить, сократить, укротить. Тѣ изъ этихъ глаголовъ, которые употребляются безъ предлога или принимаютъ народно-Русскую форму, вмѣстѣ съ тѣмъ теряютъ Славянское умягченіе, наприм: городить, опередить, укоротить (горожу и т. д.) Изъ безпредложныхъ глаголовъ только очень не многіе (опять таки книжнаго происхожденія) способны принимать Славянское умягченіе, и для примѣра мнѣ не приходитъ въ голову другихъ, кромѣ претить и святить. Впрочемъ, какъ эта особенность, такъ и случай, къ кото-

рому относится приводимый вами примѣръ: прослезюсь вмѣсто прослежусь, вовсе не находятся въ связи съ той или другой основной формой, а просто составляютъ довольно рѣдкое отступленіе отъ формъ спряженія, объясняющееся частью историческими, частью логическими причинами.

Признавая, что указанные мною простые факты могутъ быть полезны въ преподаваніи, вы отстаиваете право науки и даже доказываете обязанность ея не заботиться какъ бы облегчить изученіе того, что само по себѣ сложно, хитро, запутано. Такой взглядъ показываетъ, что вы кладете цѣлую бездну между дѣятельностью ученаго и дѣятельностью педагога, между знаніемъ научнымъ и знаніемъ практическимъ. Кажется однакожь, что вы такимъ образомъ уничтожаете одинъ изъ лучшихъ результатовъ новѣйшаго образованія, который заключается въ убѣжденіи, что наука мало приноситъ пользы, когда она остается сосредоточенною въ кастѣ ученыхъ и не дѣлается достояніемъ общества; а необходимое условіе для ея распространенія есть, конечно, стараніе самихъ ученыхъ упростить ее и сдѣлать доступною для массы. Если въ области науки есть такія мѣста, которыя по справедливости могутъ быть названы лабиринтами, гдѣ самъ жрецъ ея блуждаетъ ощупью, то пока онъ не успѣлъ освѣтить ихъ яркимъ факеломъ мысли, не лучше ли ему пріискать такую нить, съ помощью которой всякій могъ бы найти вѣрный путь по этимъ темнымъ переходамъ? Это-то и старался я сдѣлать, въ отношеніи къ запутанной теоріи спряженія Русскихъ глаголовъ, предложивъ за основную форму (рядомъ съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ) 3-е лицо множ. ч. вмѣсто 1-го единств.

Хотя вы, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего письма, и отдаете предложенной мною формѣ (т. е. 3-му л. мн. ч.) преимущество передъ общеупотребительною (т. е. 1-мъ л. ед. ч.), однакожь думаете, что въ слова-

ряхъ первая не замѣнитъ послѣдней, которую трудно выводить изъ неопредѣленнаго наклоненія.

На это я бы могъ возразить, что ее легко выводить изъ предлагаемыхъ мною двухъ формъ; но я скажу другое. Вы упустили изъ виду, что въ словаряхъ уже принято выставлять 3 формы: неопредѣленное наклоненіе, 1-е и 2-е лицо един. ч. настоящаго времени, напр. смотрѣть, смотрю́, смо́тришь. Я полагаю, что указаніе сдѣлалось бы еще опредѣленнѣе и практичнѣе, еслибъ вмѣсто 2-го лица ед. ч. въ словари наши введено было 3-е лицо множеств., потому что въ остальныхъ окончаніяхъ этого времени никто не ошибается, но — повторяю — мы безпрестанно читаемъ въ печати: объемлятъ, дремлятъ, блещатъ, безпокоютъ, строютъ и т. п.

Прибавляю, что польза придуманнаго мною пріема для спряженія Русскихъ глаголовъ особенно ощутительна для иностранцевъ и дознана уже на опытѣ въ Финляндіи, гдѣ предложенныя мною двѣ основныя формы давно приняты въ общеупотребительной грамматикѣ профессора Акіандера.

